

Почему мы никогда не пишем в этой рубрике о женщинах? Или слово «великие» к ним не подходит? Или потому, что женский алкоголизм по определению неизлечим? Или стесняемся? Или жалеем их, то бишь себя? А грешница-женщина — совсем не то, что грешник-мужчина? Или еще какая причина? Нет никаких причин. Пишем.

ТРИ СУДЬБЫ

Валентина Серова

Хотя что напишешь, скажешь, добавишь про ту же Валентину Серову к тому, что блестяще и с такой неизлечимой болью уже сказал Вульф?

Его передачу о Валентине, о Валечке Серовой в цикле «Серебряный шар» показывали по телевидению много раз. В последний — недавно, когда у актрисы был очередной юбилей. И «Сердца четырех» нам опять продемонстрировали, и «Девушку с характером». И «Жди меня».

Три фильма. Всенародная любовь. И любовь одного, самого главного человека в жизни.

А потом все рушится в одночасье. Разлюбил Симонов. Разлюбили режиссеры. Народ, положим, не разлюбил, но кто ж у него, у народа, о чем-нибудь когда-нибудь спрашивает?

А в чем же грешна-то? Или без вины виновата?

Есть грех. И этот грех — сын Анатолий, которого родила в первом, счастливом браке от молодого и красивого «сталинского сокола» легчика Серова. Умница Вульф при всей своей любви и жалости к «Валечке» не мог не сказать того, что должен был — и не знаю, как вас, но меня это просто по сердцу полоснуло: не сложились, видите ли, отношения у Константина Симонова с мальчиком, с чужим ребенком. И тогда Валентина отдает сына... в интернат.

Да не в Москве! Не в столице, где, я полагаю, были и тогда элитно-привилегированные заведения, а куда-то в глушь, точно в ссылку, за Урал или того дальше, отсылает, прогоняет, выбрасывает...

Недостижимый для меня, например, шаг. Для любой нормальной женщины. Нормальной. Пропереть (прошу прощения за лексику) ребенка с глаз долой. И из сердца вон. Ради великой любви к тому, кто на всю страну закинул ее «ждать».

*Сколько б ни было в жизни разлук,
В этот дом я привык приходить,
Я теперь слишком старый твой друг,
Чтоб привычке своей изменить...*

Это она поет в фильме «Жди меня».

Изменил. И «перестал приходить». И сын спился и умер. Только сначала, выходит, она сама его, сына, бросила. А потом осталась никому не нужна...

О, эта страшная фраза — которую она слышала изо дня в день, из года в год! Фраза, которая убивала ее ежечасно и от которой было одно спасение и утешение — вино. Фраза, которую ей говорили в Театре-студии киноактера, где служила и куда приходила каждый день в слабой надежде: может быть, я сегодня нужна?

— Вы не нужны! — отвечали ей изо дня в день, из года в год. Есть от чего сойти с ума...

ВЫ НЕ НУЖНЫ! Никому! —
...Разве что народу, который до сих пор смотрит ее фильмы. Но кто бы спрашивал у народа?

Изольда Извицкая

Тоже любовь. И тоже слава. Всенародная и международная — после чухраевского фильма «Сорок первый» в 1957 году на Каннском фестивале восторженно принимали новую советскую звезду. Блестящий дуэт с первым красавцем советского кино Олегом Стриженовым, кино, в котором было что играть — ненависть,

страсть, любовь, боль и снова ненависть. «Красная» убила «белого», хотя и любила его всем сердцем...

Меньше всего хочется сейчас повторять банальности. Типа, что слава, которая обрушивается в одночасье на молодой, неопытный организм (а хотя и опытный, и немолодой), — страшная штука. Когда твоими фото завалены все киоски. Когда «входишь в элиту» — в тогдашнюю киношно-партийную тусовку. И становишься зависимой от всякой дряни. И не можешь устоять и снимаешься во всякой дряни, потому что работать-то надо, и хочется работать, сниматься, и время идет, и голы женские уходят. А режиссер, который тебя, можно сказать, прославил, почему-то не спешит снимать дальше и больше...

(Аналогичный случай: Гурченко—Рязанов. Почему после «Карнавальная ночь» бросил на «съедение», не снимал вплоть до «Вокзала для двоих»?)

И каково, вы подумайте, было ей, Изольде, домашней девочке из интеллигентной семьи, попасть в это кинобололо, кишевшее «змеями и крокодилами»?

Григорий Чухрай искал актрису на главную роль в своем новом фильме «Чистое небо». Она так ждала, так верила, так надеялась! Но... Сашу, героиню фильма, сыграла не она. «Не понимаю, — горько и наивно говорила друзьям Извицкая, — почему Гриша меня на Дробышеву променял?»

Ко всем этим болям — еще одна. Ко всем этим «крокодилам» — собственный супруг. Моя мама, отчаянная по молодости лет киноманка, всегда терпеть не могла «эту будку», как она называла этого быкоподобного субъекта. Хотя вовсе ничего не знала про киносплетни, была, как

и все простые советские люди-зрители, страшно далека от коридоров кино...

А ей одного хватило — роли, которую Эдик Бредун, муж Изольды Извицкой, сыграл в фильме «Коллеги» по Аксенову. Там, может, помните, он, сволочь такая, кобель и кабан сибирский, пьянь и дрянь, ранит ножом молоденького и интеллигентного врача-очкарика Василия Ливанова? Вот примерно таким он и в жизни был, играть-то ничего не нужно было.

Татьяна Конохова, артистка, близкий друг Изольды, сказала про Бредуна одно слово: чудовище. Как два таких разных человека оказались вместе?

И опять все как в кино: безумная любовь, безумная страсть и безумная ненависть. К водке приучил муж. И ее же потом славил на всех перекрестках как запойную. Завидовал ее славе, унижал, даже бил... исковеркал жизнь. Легко начать пить. Остановиться невозможно. Тогда это было не принято — говорить про женский алкоголизм,

заплетающаяся пробежка по сельскому полустанку к человеку, которого ждала всю жизнь девочка-сирота Наташа... Юрий Владимирович вспоминал, что у него самого сердце сжималось, слезы в горле стояли, когда был с нею в кадре в эти минуты...

Тоже — любовь. Нет, этот мужчина — совсем не то, что тупоголовый упырь Бредун! Геннадий Шпаликов, умница, талант, поэт, богема! Какая красивая пара! Какие надежды! Какой родниковый, умытый солнечным дождем фильм — «Я шагаю по Москве», снятый по его сценарию!

Все могло бы сложиться иначе, все. Или не могло? Или именно так, а не по-другому?

Что проку гадать? Какая насмешка судьбы: следующий фильм по сценарию Геннадия Шпаликова должен был называться «Долгая счастливая жизнь». Она должна была там играть главную роль.

Не было ни долгой, ни счастливой жизни. Передача про Инну Гулаю, актрису, жену драматурга Геннадия Шпаликова, покончившего жизнь самоубийством, и тоже вскоре ушедшую из жизни, — передача эта была одной из первых в жутко-пронзительном цикле Леонида Филатова «Чтобы помнили». И про любовь там было, и про политику, и про то, как убивало болото чистых и честных, талантливых, ярких и самобытных...

Пили. Ну пили, ну конечно же, пили! «А кто не пьет? Назови! Нет, я жду!» — с изумительным пафосом восклицает Броневой-Велоров в «Покровских воротах».

Ну кто не пьет? Да все, так или иначе. И кто-то остается без ролей. И слава уходит. И только и остается, что ездить по стране «чесом» от Бюро пропаганды советского киноискусства — и рассказывать про фильмы, которым уже двадцать... а потом тридцать... а потом и больше лет. Потому что больше-то не о чем рассказывать. И нечего.

Аллу Ларионову вон тоже не снимали. А после «Анны на шее» и «Садко», после громоподобной такой славы — как жить дальше?

У Аллы Ларионовой был Николай Рыбников, возразите мне вы. И будет абсолютно правы: я этих именно слов и ждала. Рыбников, которого тоже не снимали бог знает сколько. Но они были вместе. Их спасла любовь, что ли. И Бог пожалел, легкую смерть послал обоим: во сне, без мук. Не ко всем так расползены...

Кто сейчас помнит старый фильм, в котором сыграла Инна Гулая, — назывался он «Туши над Борском»? История вроде бы, если мне изменяет память, написана по какому-то газетному очерку о том, как сектанты завлекли юную девушку в свой змеиный круг. И чуть было не утробили, принеся в жертву на кресте... что уж там были за сектанты? Вроде ни у пятидесятников, ни у адвентистов человеческие жертвоприношения не практиковались, это уж, скорее, у сатанистов, но они у нас стали расцветать позже, не при социализме...

Ладно, не суть. Гулая играет сцену «бления»: в платочке, с воздетыми руками несколько часов подряд ее заставляют бессмысленно (по фильму) выкрикивать «Дай, Господи!»

Жуткая сцена. Может, вспомнили? На мысли ни на какие не наводит?

...Или это тоже из области мистики — про грехи?

Инна Гулая

Тоже — два-три фильма. Из которых помнится только один — «Когда деревья были большими». Эти серые, чистые, расплачутые глаза. Это дрожащим голосом произнесенное «Вы — мой папа?» — обращенное к проходивцу, которого играл Никулин. Эта по-детски косялапая

Когда начинала писать, даже не думала, что так у меня выйдет: грешницы, воистину грешницы! А за женский грех — самая страшная расплата. Ничего-то нам не прощается всю жизнь, до самой смерти. Так что, думаю, про женщин больше — в этой рубрике — действительно хватит. Лучше помолчим. И сами не судимы будем...